

УДК 2:1

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.25.75>

Иллюзорная составляющая личностного самовыражения и её место в раскрытии феномена религиозности

Н. С. Коноплёв

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрено содержание иллюзий, проявляющих себя на чувственном и рациональном уровнях. Выявлено их место в становлении религии; показано, что религия как фантастическое – иллюзорное – отражение реальной действительности, очерчивая утопии, открывает путь к их преодолению.

Ключевые слова: иллюзии, Библия, религия, бог, внешние и внутренние ощущения, субъект и объект деятельности, природа человека, НТР, искусственная среда, антропность, духовность, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, социальная форма движения материи.

Для цитирования: Коноплёв Н. С. Иллюзорная составляющая личностного самовыражения и её место в раскрытии феномена религиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 25. С. 75–91. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.25.75>

Естественно-природный характер иллюзорного видения мира. Иллюзия как проводник религиозности. Выдающийся философ древности Протагор из Абдер (ок. 485–415 до н. э.) учил: «Человек есть мера всех вещей: существующих – что они есть, несуществующих, что их нет. Каковым мне представляется нечто, таково оно для меня. Каковым оно представляется тебе, таково для тебя» [1, с. 646]. Несмотря на элементы релятивизма, состоящего в том, что философ не сводит к объективному знаменателю чувственность отдельных индивидов, остаётся в силе положение, согласно которому всё начинается с человека. Фактически это утверждение и есть искомый знаменатель. Указанная ситуация, несомненно, осознавалась древними греками. Они рассматривали человека душевно претворённым – вполне самодостаточным. Не забывают об этом, к примеру, и адепты научно-технической революции (НТР). Но вопреки им, социум – констатируем с сожалением – подвержен воздействию разрушающей его массовой индивидуализации.

Наш современник, оказавшись предоставленным самому себе, неизбежно герметизируется: утрачивает былое, связанное с его общественным статусом, совершенство. Он всё более отдаляется от своей естественной (складывающейся из взаимосвязи внешних и внутренних ощущений) природы, ибо её функции поглощает сорганизовываемая усиливающимся про-

грессом искусственная среда (сотовый телефон, Интернет, авиация, средства массового поражения, спутники Земли и т. д.). Утрачивая самодостаточность, смиряется индивид... Отчуждённого от себя под влиянием созидаемых им же «искусственных препон», нашего героя увлекает – как выражались предшественники – «апофеоз беспочвенности». Что же делать? Этот вопрос, когда благополучие немногих безмерно возрастает, а большинства – идёт по нисходящей, требует незамедлительного ответа. Стихийно устанавливаемая полифункциональность современника (при утрате им – посредством искусственной среды – связи с жизненными реалиями) наполняет его расслаивающуюся духовность набором «иллюзорно-компенсаторных акций». Здесь под иллюзией понимаем «искажённое восприятие действительности, основанное на обмане чувств; принятие кажущегося, мнимого за действительное» [2, с. 388]. (При этом мнимость – заметим в скобках – выдаётся за действительное под воздействием на наши ощущения многократно воспроизводящего её компенсаторного наката.)

Предлагаемое определение иллюзии – не из простых, и за ним скрывается перспектива «религиозного чуда». Основанная на восприятии как согласованной системе ощущений иллюзия навязывает ему (т. е. восприятию) нечто мнимое, т. е. не соответствующее – через отражение – реальному положению дел. Но что способствует тому, что, будучи функцией человеческой чувствительности, иллюзия подменяет её (т. е. отмечаемую чувствительность) собою? Минуя подробности, выскажем предположение. Индивид как состоящий из различных уровней «социоконгломерат» (т. е. выступая субъектом деятельности) не может полагаться на какой-то один уровень (к примеру, на те же ощущения). Субъект деятельности сорганизовывается всеми компонентами, выявляющими многомерно запечатлеваемую его неповторимость. И поскольку под воздействием иллюзий прорывается неизведанностью человеческая фантазия (которая, кстати, содействует полёту религии в «запредельные» дали), индивид вполне логично прибегает к «на чёрный день». Внутрижизненная логика превалирует здесь над непосредственностью отражения. Становление искусственной среды (где набирает силу «искусственный интеллект») – главное препятствие для утверждения социальной гармонии. Поклонники «искусственного интеллекта» полагают: человека можно переделать, соответствуя законам воссоздаваемой культурным сообществом среды. Обусловленный искусственным интеллектом прогресс слишком возомнил о себе, подводя под собой природу человека (последняя, согласно настоящему тексту, воплощаясь, как отмечено выше, сочетанием внешних и внутренних ощущений, не тождественна телесности). И это понятно. Создав искусственную среду, духовность парит над «антропосом», порою его не замечая. Разум, приписавший себе сверхприродное совершенство, – это что-то сродни Франкенштейну, а также тому иллюзорному «сверхчеловеку», о котором усиленно ратует ницшеанский Заратустра...

Специфика ощущений применительно к их иллюзорной репрезентативности. Рацио (а также духовность в целом) надлежит рассматривать

тесно приобщённым к антропонасыщенной природе человека. Человек рождается в своей телесно-природной выверенности. Телесность представлена его биологией. Естественно-природный срез человека – повторимся – претворяет собою связь внешних и внутренних ощущений. Внешних ощущений – пять: дистантные (зрение, слух) и контактные (обоняние, вкус, осязание). Внутренние ощущения (как они традиционно рассматривались в учебно-научной литературе): тактильные, висцеральные, кинестетические, болевые, температурные, равновесия, вибрационные. Внешние ощущения затверждают индивида в пространственно-временном континууме. Причём дистантным ощущениям (которые нас особо интересуют ввиду их привязки к теории познания) отведена роль по соблюдению устойчивости организма. Так, ощущение зрения, соотнося организм с пространством, обеспечивает индивиду завидную жизненную прочность. Попутно фиксируем: движение есть единственный способ существования материального мира, реализуемый противоречивой соотносённостью устойчивости и изменчивости. Адаптация организма к устойчивости – отметили мы – осуществима благодаря дистантному ощущению зрения. Именно зрение «прикидывает» пространственный фон к потребности индивида утвердиться «на своём месте», которое устраивает его «владельца» отменным удобством. Другое дистантное ощущение – слух – приспособливает организм к изменчивости – второй основной стороне движения. Под воздействием слуха индивид благополучно «манипулирует» меняющейся средой – с выходом на её причинно-следственную привязку. Происходит осознание изменчивости в её сопряжённости с теми промежуточными – между причиной и следствием – интервалами, которые оборачиваются временем (теоретическим выражением складывающейся ситуации служит реляционная концепция времени, согласно которой объективность времени фиксируется наличием причинно-следственных связей [5]).

Зрение и слух (а вот контактные ощущения как менее значимые в рассматриваемом контексте мы опускаем), укрепляя положение субъекта, открывают поле деятельности внутренним ощущениям. Взаимосвязь внешних и внутренних ощущений обуславливает их согласованное «действие». При этом внутренние ощущения структурируют человеческую телесность – адаптируют к меняющейся обстановке. Информационный обмен между обоими видами ощущений укрепляет телесность.

Кратко опишем внутренние ощущения. Тактильные ощущения позволяют индивиду воспринимать собственное тело, которое благодаря им не покидает связи со средой. Если же эта связь нарушена – к примеру, длительным заключением человека в темницу, – тактильно «разоруженный» организм деградирует. Висцеральные ощущения отвечают за внутрителесные процессы (жажда, голод, приспособительные операции), кинестетические регулируют движение, болевые указывают на необходимость излечения, температурные корректируют соблюдение здорового образа жизни, а также тормозят расстыковку организменно-отлаженного состояния. Ощущение равновесия предохраняет индивида от падения. Наконец вибрацион-

ные ощущения заглушают излишние шумы. Обслуживающие телесность внешние и внутренние ощущения вместе с нею (телесностью) закрепляют «антропологический задел» человека. Это то, повторимся, что появляется вместе с его рождением. «Антропос» предшествует социальному в индивиду. Социальное же, складываясь на базе антропологического, отлично от него, так как внедряется в «антропос» извне – из многообразно «разместившейся» среды. Необходимо соединить антропное с социальным. Это осуществляет социализация индивида: она приобщает его к «планете людей». Само по себе антропное и само по себе социальное как разведённые «ипостаси» должны воссоединиться посредством направленного воспитания. Но будет ли оно успешным, вскроется при становлении личности молодого человека. Её формирование обусловлено духовностью, которая, надстраиваясь над антропностью, играет ведущую роль в целеположенном преобразовании индивида. При этом случается следующее. Рассогласовываясь, антропность и духовность на отделяющем их друг от друга ситуационном зазоре приоткрывают поле иллюзий. Выше о них шла речь, и мы её продолжаем. Если посмотреть на иллюзии контекстом антропосоциорасклада, окажется, что они – не что иное, как выражение отмеченной рассогласованности в отношениях между чувственным и рациональным видением реальности. Мир для каждого из нас поделён на объект (т. е. на окружающую реальную действительность) и на субъект, «обосновывающий» наше присутствие рядом с указанным объектом. Это так, но требуется корректировка. Заметим, что мы обычно отождествляем «объект» с упомянутой «реальной действительностью». Нам кажется, что объект и есть окружающий нас мир. Мы, правда, готовы признать, что в объекте он не вполне предстаёт раскрытым. Но витками познавательной спирали мы выявляем ноуменальность мира (т. е. производим его умопостижение), и объект тогда оказывается отождествлённым с рассматриваемой реальной действительностью. Значимым в данном подходе будет то, что отождествление с нею объекта во многом носит действительный характер. В то же время объект – это всегда наложенность моего «Я» на окружающую сферу. Правда, рассуждая так, легко впасть в субъективизм. Однако не будь субъекта деятельности, ни о каком объекте не могло быть и речи (рассуждая так, мы отнюдь не впадаем в волюнтаризм ввиду постоянной обеспеченности объекта предметной насыщенностью). Следует, полагаем, придерживаться взгляда, согласно которому объект – «невольный» посредник в отношениях между субъектом и средой. Раскрытие её сущности воочию показывает, что она «бытийствует» независимо от нашего «Я». Но далее рассуждая столь же последовательно, мы признаём бытие объекта как воплощение иллюзорности нашего самовыражения. Воистину существующий мир мы наблюдаем в виде некоего объекта – посредника между субъектом и этим миром, вследствие чего последний, будучи своеобразным «Летучим голландцем», легко манипулирует мною в каких-то непонятных измерениях.

Послушаем юного М. Ю. Лермонтова (1814–1841). Он сотворил художественно-философский шедевр, очерчивающий место иллюзий в границах

«земной юдоли» (1830): «Я видал иногда, как ночная звезда // В зеркальном заливе блестит; // Как трепещет в струях, и серебряный прах // От неё, рассыпаясь, бежит. // Но поймать ты не льстись и ловить не берись: // Обманчивы луч и волна. // Мрак тени твоей только ляжет на ней, // Отойди ж – и заблещет она. // Светлой радости так беспокойный призрак // Нас манит под хладною мглой; // Ты схватить – он шутя убежит от тебя! // Ты обманут – он вновь пред тобой» [4, с. 93]. Великий поэт, яркий мыслитель, убедительно демонстрирует: искусству доступно то, что затруднительно для философии. Примером ночной звезды художник подводит нас к образу светлой радости, который (т. е. образ) – рядом с нами. Мы верим в него, и, однако, он неуловим. Да, жизнь – это счастье. Она выше попыток её выразить. Счастьем надо жить и быть счастливым: не пытаться разглядывать его со стороны, чтобы не оказаться поглощённым «иллюзорно-компенсаторной бездной». Иначе субъект теряет внутреннее равновесие, всё более занимая позиции агностицизма.

Надо иметь трезвую голову, чтобы не плутать в трёх соснах. «Три сосны» – это субъект, объект и реальная действительность. Наивный материалист, даже если он опирается на законы диалектики, намеренно отождествляет объект и реальную действительность. Он «наивно-материалистически» полагает, что «фактор объекта» всегда подчёркивает статус «реальной действительности». Но это далеко не так, а если кому-то кажется, что так, то только с позиций вульгарного – замешанного на «натурфилософской пробе» – материализма. И такой, с позволения сказать, материализм открывает широкие перспективы для философской путаницы. Следует сказать также, что философа, отождествляющего объект с материальным миром, потихоньку засасывает «натурфилософский омут». Конечно, натурфилософия несводима к сказанному о ней: она занимает важное место в становлении подлинно научного философствования, являясь предпосылкой научной философии. Тем не менее недостатки отождествления «объекта» с «реальной действительностью» (о чём выше шла речь) не следует забывать.

Продолжим наше путешествие по «трём соснам». Научный материализм отличается от наивного материализма тем, что он – при посредстве науки – старается растворить объект как выражение реальной действительности в ней самой: элиминируясь, объект вроде оставляет не у дел активизированного субъекта. Фактически это говорит о том, что философия как реализующееся субъектно-объектное отношение (с его тенденцией предстать отношением субъектно-субъектным), растворившись в реальной действительности, изнутри мира пристрастно рассматривает его – данного мира – изнанку. При этом философия на идеальном уровне конструирует раскрываемое содержание реальной действительности, «позволяя» ему «обозначиться» конкретными формами движущейся материи. Но всякий раз, когда такой случай представляется (а он возникает при осуществлении широкой интеграции, разрешающей сущему как онтологическому абсолюту сорганизоваться системой взаимосвязанных форм материального движения), философия незамедлительно всплывает над реальной действительностью, оперируя субъектно-объектными связями как условием овладения глубина-

ми бытия. Осуществляется пульсация научной философии: насыщаясь безднами постигаемого мира, она – в процессе самодвижения – то парит над ним системой своих абстракций, освещая путь научному познанию, то обращает его в мыслящий компонент исследуемого среза бытия. Создаётся иллюзия того, что глубоко выразил Ф. И. Тютчев: «Не то, что мните вы, природа: // Не слепок, не бездушный лик... // В ней есть душа, в ней есть свобода, // В ней есть любовь, в ней есть язык...» [7, с. 169]. Воспроизводимая поэтом антропоморфизация предметного мира вполне уживается с научно-практическим подходом к нему. И, будучи важным компонентом личностного самовыражения, иллюзия тесно сопрягается с желанием человека предстать в качестве существа, стремящегося к неизведанной доселе новизне. Служа предметным основанием для фантазии, иллюзии вводят нас как в несбыточный мир желаемого и неосуществимого, так и в иллюзорно же схватываемую сферу религиозных настроений. Говоря об иллюзиях, отмечаем: они – важный посредник в организации новых миров, включая их религиозные варианты. Религия – продукт человеческой духовности – коренится в ней, а не привносится в сознание из заоблачных высот. Но с ними необходимо считаться, тем более что они – в нас самих. Опять обратимся к представителям вульгарного материализма – Л. Бюхнеру (1824–1899), К. Фохту (1817–1895) и Я. Мошотту (1822–1893). Связанные с естествознанием, эти мыслители понимали идеальное по аналогии с материальным. Иначе говоря, они отождествляли материальную основу идеального с самим идеальным, или сознанием. Однако мысль как идеальное, опредмечиваясь в мозгу человека, складывается в вербально воспроизводимых отношениях между людьми. Она – результат человеческого общения и за его пределами себя не находит. Требуется серьёзные усилия, чтобы выявить мысль как «продукт» нашей духовности. Предстоит создать трансдисциплинарную (в данном случае содействующую раскрытию единства неживого и живого) методологию, опираясь на которую сумеем конструктивно соотнести субъектно-объектные связи с охватываемой ими реальной действительностью. Описываемые процедуры очищают философию от иллюзорной антропоморфизации, и философия как «царица наук» тесно сопрягается с живой жизнью. Осознавая себя тождественной по отношению к человеческой духовности, философия делает упор на осмысление коллективистски насыщенного трудового настроя. Благодаря ему человек целеположенно утверждается границами отведённой ему судьбы – неизбежному стечению обстоятельств.

Не меньшей значимостью в духовном постижении индивидом своего «Я» обладает человеческая природа (которая, как было сказано выше, воспроизводится единством внешних и внутренних ощущений). И правило, выведенное философами прошлого, гласит: нет ничего в интеллекте, чего бы не было в ощущениях. Ощущения – это исток наших знаний о мире. Воспринимая вездесущую информацию, ощущения предлагают человеческой духовности на её основе выразить научную картину мира. Не будь её, человечество станет плутать в тупиковых нагромождениях. Из названных выше внешних ощущений особая роль (как было сказано) отводится дистантным

ощущениям. Их познавательный настрой – отметили мы выше – всем хорошо известен. Мы обратим внимание на то, какими иллюзиями преисполнены эти ощущения. Начнём с ощущения зрения. Оно воспринимает до 90 % поступающей информации. Но мало сохранить её. Не менее важно достичь того, чтобы она на всём протяжении (т. е. с начала и до конца) работы с нею имела возможность самоидентифицироваться. А с этим не всё так просто. К примеру, издалека я вижу человека. Он кажется мне маленьким – вроде как «мальчик с пальчик». Но вот мы сблизилась, и человек предстал ростом с меня. Значит, я ошибался? Думаю, что нет. Просто находящегося далеко от меня человека я воспринимал в иллюзорном фокусе, и по мере приближения иллюзия сходилась на нет. Но её я мог изначально пресечь, подключив рассудок. С его помощью я осознаю недопустимость «самообмана». Ведь нарабатанная ходом воспитания моя рассудочность содержит за плечами тысячелетия оттачивания её нашими предками. Рассмотренный случай – бытовой, и иллюзия здесь, возникнув, собственно, тут же сходит на нет. Но в жизни человека бывают неожиданные случаи, проживая которые он не находит разумного ответа. Например, Великая Отечественная война советского народа против нацистского зла (1941–1945). Чем дальше во времени мы отходим от неё, тем более неожиданной, фантастической, преисполненной иллюзий она предстаёт нашему сознанию. И это даёт повод толковать её сегодня как кому вздумается.

Нынешние польские власти, приравняв коммунизм к фашизму, великое освободительное движение представляют как антипольское зло. Так же ведёт себя руководство Прибалтики. Иллюзорность здесь оборачивается социозифренией. Ею преисполнено поведение конгрессменов США – «потомков» небезызвестного сенатора Д. Маккарти (1908–1957). Ещё несколько слов о Великой Отечественной войне. Социально неадекватная иллюзорность «лепится» здесь так называемыми фактами. Становится «малообъяснимым» «факт», согласно которому, как мог советский народ победить фашизм, если за первые пять месяцев войны миллионы красноармейцев были убиты или попали в плен. Непонятно-де, как, начав войну с войсками, которые на порядок ниже вражеских, Красная армия, разгромив фашистов, на несколько уровней превысила свою мощь над ними. Сегодняшние противники России стараются убедить всех, что полная иллюзия, будто Красная армия одержала победу. Это-де осуществили западные «союзники». Иллюзии по факту разгрома фашизма, опираясь на которые наши недруги стараются переписать Вторую мировую войну, относятся к числу особенно живучих исторических «реликвий». Разоблачать их нужно с использованием таких мощных средств, как классово (т. е. на базе практической деятельности) отточенный разум, неопровержимо онаученные факты и то общественное мнение, которое, оперируя вышеупомянутыми средствами, может использовать их против фальсификаторов.

На чувственном уровне мы рассматриваем иллюзии, связанные с ощущением зрения. Над самими же ощущениями довлеет человеческая духовность. И здесь мы выходим на раскрытие более высокого уровня феномена

иллюзорности. Иллюзии, обуславливаемые ощущением слуха, дают для этого свои показатели. Слуховое ощущение воплощает иллюзорность в чистом виде. Оно является производным от механической энергии. Случившиеся 500 миллионов лет назад события содействовали переходу части морских обитателей на сушу. Действуя челюстями, эти, теперь уже наземные, существа приобщали к работе челюстей складывающуюся ушную раковину. Чудо природы, на наш взгляд, состояло в том, что механическая энергия, связанная с работой челюстей, обращалась в «энергию звука». Сам по себе звук являет собою запечатлённую «живой материей» колебательную, т. е. чисто механически воспроизводимую, процессуальность. За пределами живого звук невозможен. Благодаря звуковой, а затем вербальной реальности мир озарился новой жизнью – величайшим достоянием природы (как известно, природа – это всё живое начиная с бактерий; в этом отношении за пределами природы простирается вещественно-материальный мир, но он всё-таки не является природой). Вместе с тем реальность звука – в высшей степени иллюзорная. Её иллюзорность заключается в том, что звук, пребывая в органе слуха, вместе с тем, как бы выносясь вовне, свидетельствует о звуковой реальности мира в целом. В этом отношении в Библии сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [6, с. 1009]. Произносимым словом религия весьма успешно вовлекает в свою сферу человеческое сознание. Ничего не поделаешь: магия слова выдаёт его как некую данность «свыше» (особенно его иллюзорность подчеркивает музыкальное сопровождение). Воплощённая словом звуковая реальность владеет особенностью, согласно которой складывается единение обладающих ею (т. е. звуковой реальностью) живых существ (включая нас, людей). Звуковая реальность – и это главное в ней – связана со стремлением всего живого утвердиться изменчивостью мира – с позиций прошлого, настоящего и будущего. Преисполненная иллюзорности звуковая данность на деле играет значимую роль по включению субъекта в предметный мир. Благодаря ей (т. е. звуковой реальности) обустроился наш интеллект и для человечества сложилась возможность самореализации в границах социальной формы движения материи.

Слово как сполна претворённая иллюзия, и мы это констатируем, рамками своей иллюзорности прикрывает подлинное таинство – глубину человеческой мысли. Хотя на ощущение слуха поступает относительно небольшой поток информации (и это связано с тем, что иллюзорный настрой звуковой реальности не в силах устоять перед большим её объёмом), заложенная в иллюзии фантазия как открывающаяся перед субъектом перспектива оборачивается совершенством мысли. Ощущение слуха также интересно тем, что воспроизводимый нами звук мы непременно соотносим с предметом, его вызывающим. Скажем, удаляющийся самолёт мы наделяем затухающим звуком, хотя летящему предмету он не принадлежит. Здесь снова вспыхивает иллюзорность восприятия мира, связанная с фактом нашего самоутверждения во времени.

Выше было отмечено, что благодаря звуковой реальности выверяется ход времени в качестве прошлого, настоящего и подстраивающегося к этому ряду будущего. Для человека эти три временных ряда являются условиями постижения изменчивости. Объективный статус изменчивости как важнейшей стороны материального мира вполне очевиден. Но фиксирование её временными интервалами означает иллюзорное приобщение к указанной стороне материального мира. Нужно также заметить, что время как иллюзия выражает собою синтез звуковой иллюзии с обусловливаемой ею иллюзией интеллектуальной. Содержанием последней выступает набор разнородных утопий, и это всем хорошо известно. Вообще грань между слуховой иллюзией и иллюзией интеллектуальной довольно подвижная. Древнегреческий философ Фалес утверждал: «Быстрее всего – мысль, ибо она бежит без остановки» [8, с. 103]. Если вслух прочесть данное предложение, его метафоричность очевидна, и как таковая она граничит с иллюзорностью. При этом мы подчёркиваем: реальность иллюзии (как и метафоры) не подлежит ревизии. Благодаря иллюзорности – и мы говорили об этом – воспроизводится фантазия, предоставляющая человеческому интеллекту возможность осуществить обращённое в будущее целеполагание. Оно может нести утопию, что служит подтверждением интеллектуально воспроизводимой иллюзорности. И повторимся: иллюзия на базе звуковой (т. е. чувственно насыщенной) реальности наглядно стимулирует рационально (т. е. уровнем духовной воспроизводимости) отлаженную иллюзию.

Религиозный подтекст иллюзий интеллектуального уровня. Жизненная привычка человека – отстояться иллюзорными фантазиями. Рассматривая в интересующем нас плане дистантные ощущения, наблюдаем их «набегание» на «иллюзорную иглу». Поскольку, повторимся, философия издавна учит тому, что нет ничего в интеллекте, чего бы не было в ощущениях, то иллюзорность, как мы помним, из сферы ощущений перебирается на интеллектуальный уровень, преобразаясь различными видами несуществующего. Следовательно, ни один срез отражательно-познавательной деятельности не застрахован от «иллюзорной завербованности». И всегда нуждающийся в отдыхе уставший человек забывается в иллюзорно выверяемых фантазиях. Последними проигрывается его внутренний мир, и на какое-то время индивид становится «самодостаточным» в своей замкнутости. Сосредоточение на собственной персоне нужно человеку для того, чтобы, отдохнув, собраться со свежими силами и вновь насладиться радостью жизни, а также своим местом в практике осуществления поставленных обществом целей.

Выше мы говорили, что иллюзии подстерегают нас на каждом шагу, и мы рады им, поскольку всякий раз осуществляем их коррекцию как нашим радио, так и постоянно содействующей практикой. Умело переключая жизненно значимые скорости, мы сохраняем себя на твёрдой земной почве. Такова диалектика отражения, характеризующая личностное – психологически насыщенное – начало в индивиде.

В условиях массовой индивидуализации социума многоуровневая отражательная деятельность не может осуществляться вне связи с психикой

каждого отдельного человека. В этом отношении мостом связи между собственно отражательной деятельностью и психическим настроем индивида выступают рассматриваемые здесь иллюзии. Будучи важным компонентом ментальности, они приобщают обуславливаемый психикой внутренний мир человека к его рациональным высотам. Последние, наглядно выверяясь практикой, используют содержащиеся в них иллюзии с целью лабильной – подвижной – адаптации индивида к разрешению стоящих перед ним противоречий. Тем самым – под влиянием (духовных) иллюзий – противоречия, «отодвигая» тупик, успешно разрешаются. Разрешение их ведёт к тому, что таящиеся в каждом из нас иллюзии буквально на мгновение свёртываются, а потом вспыхивают с прежней силой. Их поведение довольно содержательно: в нужный момент приглушаясь, они нейтрализуют психику и открывают перспективу рацио-практическому «промеру». Срабатывает принцип маятника, позволяющий интеллекту и человеческой воле, попеременно меняясь, осуществлять практику индивидуально выраженного устойчивого развития. Затверждаемая психикой воля, прикрываясь набором иллюзорных установок, своевременно предоставляет индивиду возможность решать практические задачи. Иллюзии, сдерживая волю (которая, будучи преисполненной желаний, не всегда рациональна и, следовательно, соприкасается с иллюзорной данностью), не позволяют ей абсолютизироваться до – выразимся так – шопенгауэровского абсурда.

Как уже было сказано, мы не станем обращаться к рассмотрению иллюзий в границах контактных ощущений. Вместе с тем заметим: обладая ценностным настроем, они запечатлеваются условиями, связанными с утверждением индивидуализированной телесности. Поскольку человек связан со средой обменом веществом, энергией и информацией, то иллюзии здесь играют негативную роль, подталкивая индивида некритично воспроизводить раскрывающуюся связь. Что касается внутренних ощущений, закрепляющих статус человеческой телесности, роль их в рассматриваемом отношении довольно значима: они гармонизируют «внутрителесные заготовки», направленные на восприятие информации из микромира, а также на стремление объединиться с внешнеощущаемой процессуальностью. На базе внутренних ощущений весомо совершенствуется человеческая духовность, которая, однако, вербально не воспроизводима. Это незавидное обстоятельство таит набор иллюзий, заполняющих наш внутренний мир. Фокусом внутреннеорганизованной иллюзорности будет неопределённость его содержания. Действительно, проблематичность внутреннего мира человека обусловлена тем, что его природа, как мы отмечали, постоянно раздвоена. Отсутствие цельности в ней также связано с «фактором» «неотствования» внутренних ощущений. Отсюда «внутреннеощущаемый комплекс» (и вместе с ним человеческая природа) зависает «цепью иллюзий».

Мы предприняли попытку рассмотрения иллюзий, воспроизводимых человеческой природой. Они же служат основанием иллюзий, заполняющих нашу духовность. Выше отмечалось: являясь социально заострённой, духовность оказывает сильное воздействие на человеческую (находящуюся

себя взаимосвязанностью внешних и внутренних ощущений) природу. Отношения между природой человека и его «духовным подтекстом» порою нечётко означены, и это ведёт к их «иллюзорному запустению», могущему обрести глобальные очертания. Так, Р. Декарт (1596–1650) – великий преобразователь естествознания и выдающийся философ – развил положение, согласно которому наука служит способом взгляда на мир его – этого мира – глазами (или глазами бога, что являет собою одно и то же, поскольку мир, согласно Р. Декарту, создан богом). Однако это стало крупным заблуждением французского гения. Являясь таковым, оно предстало универсальной иллюзией, связавшей науку и религию (эта установка и сегодня не искоренена как заблуждение). Иллюзорность позиции Р. Декарта в том, что человек не в силах смотреть на мир ни глазами природы, ни тем более глазами бога. Человеку – и то с трудом – удаётся смотреть на мир своим собственным взглядом, и в этом его великое счастье (и одновременно – слабость).

Дважды иллюзорный настрой религии как иллюзорно-компенсаторного феномена. Рассматривая религиозную духовность, мы связываем её с изложенными выше иллюзиями. Опираясь на иллюзорные компоненты отражения, складывающаяся религия всплывает на просторы духовности веером фантазий. Последние не являются её изобретением, но могут быть рассмотрены в качестве результатов опережающего отражения. Религия весьма удачно использует их в приобщении к богу новых служителей. Сама иллюзия, как мы помним, неотделима от субъектности индивида и постоянно направлена на осуществление вполне целеположенных перспектив. Последним сопутствует иллюзия, тем более что она интимизирует субъектное самовыражение в месте его пребывания (им может быть природа, конкретное место жительства и т. д.). Человек же всегда стремится к личностному обустройству и в определённой мере, как мы помним, благожелательно соотносится с иллюзиями. Как сказал поэт, «блажен, кто верует, тепло ему на свете» (А. С. Грибоедов /1795–1829/).

Иллюзия вместе с утверждающей человека перспективой обустроивает последнюю в жизнеутверждающем порыве. Образно говоря, иллюзия является своеобразным троянским конём в проведении в сферу интимных чаяний индивида религиозной веры. Попутно отметим, что вера – не религия, и, как выше было сказано, вера воплощает тот срез человеческой духовности, который, пребывая в глубинах нашего «Я» и не находя возможностей к вербальному обустройству, просто-напросто немотствует. Отсюда этот срез духовности мы относим к её вероисповедному ареалу. Итак, иллюзии преимущественно складываются на уровне дистантных ощущений и играют двоякую роль. С одной стороны, они способствуют более тесной приобщённости человеческой телесности к окружающей среде (хотя это не всегда соответствует правилам безопасности); с другой – погружают индивида в сферу неопределённого существования ввиду неизведанности того будущего, которое всё-таки должно наступить в его – индивида как субъекта деятельности – жизни. На отмечаемой неизведанности перед будущим вскрывается религиозная ситуация. Являясь стороной иллюзорных действий индивида,

она стремится к тому, чтобы апеллировать в целом к человеческой духовности. Но последняя препятствует этому, поскольку она опирается на рассудок и человеческую практику. Однако в глубинах духовности остаётся тот уровень, о чём выше шла речь, который не вербализуем (он может быть соотносён с Id, т. е. с «Оно», по З. Фрейду /1856–1939/) и который, как мы сказали, прозываем немотствующим. В конце концов – но это специальная тема – он смыкается с вербализацией и ввиду своей двойственности оказывается сопричастным с теперь уже, как это ни покажется странным, иллюзорно воспроизводимой иллюзорностью. Итак, внешние ощущения, содержа иллюзии, наделяют ими человеческую духовность. Её внутреннеощущаемый срез, также стремящийся использовать во благо человеческой телесности содержание человеческой же природы, спокойно воспринимает проникающую в его недра иллюзорность. И при соприкосновении с внутренним миром субъекта иллюзорность способствует религиозному самовыражению индивида. Нужно ли ему такое состояние? Рационально человек не в силах его достичь. Но то, что это может стать удобным в его жизненном развороте, спорить не приходится.

Отмечаемая раздвоенность, сопровождая человеческий престиж, иногда наносит ему невольный ущерб. Жизненное ампула индивида, часто его (т. е. престиж) раздваивая, порою делает человеческое «Я» «размноженным». Об этом сказано поэтом: «Я – семья // во мне как в спектре живут семь «я» // невыносимых как семь зверей // а самый синий свистит в свирель! // а весной // мне снится что я – восьмой» [3, с. 167]. Религиозность субъекта деятельности складывается из той неопределённой ситуации, согласно которой возможность выбора для религиозного сознания сокращается до минимума и жизнь человека приглушается неопределённостью. При таком подходе к религии оказывается, что она выступает компенсацией человеческих иллюзий. В религии значение приобретает не собственно иллюзия (она служит основанием религиозности), но компенсация её неадекватными средствами. Отсюда религия воплощает собою иллюзорно-компенсаторные «интенции» индивида (закавычивая «интенции», характеризуем имманентную направленность сознания на свой предмет, имеющий воображаемый статус). Иными словами, религия закрепляется дважды компенсаторной насыщенностью: пребывающая в ней иллюзорность, как только что было отмечено, неизменно подкрепляется очередной иллюзией. Будучи своеобразно выраженной «иллюзией в квадрате», религия старается втянуть сознание индивида в обустроенное поле иллюзорности. Это смягчает сознательность человеческой духовности применительно к её религиозной компенсаторности. Философским выражением такого влияния религии на рациональность выступает пантеизм, а также деизм и дуализм.

Раскрывая генезис религии, мы подчёркиваем роль фантазии в её соотносённости с иллюзорным компонентом природного самовыражения индивида. Поскольку же, однако, человеческая духовность опирается на чувственный срез отражательного отношения к миру, то вместе с этой чувственностью духовный настрой индивида впитывает иллюзорный «багаж» в

ходе отражательной деятельности. Мы знаем, что «предприимчивость» ощущений испытывает влияние радио. Отсюда наша внешнеощущаемая деятельность является, скажем так, рационально продвинутой. Это выражается в том, что модальность ощущений, воспроизводимая эмоциональным настроем индивида, очерчивает его потребностное поле. И если о нём идёт речь, оно всегда носит духовно-чувственный характер. Более того, человеческие потребности прежде всего связаны с выполнением задач, которые ставит перед ними наша телесность. Ведь человеческая природа, как мы помним, изначально организовывалась как средство удовлетворения потребностей тела. Также человеческая телесность спроектировала структурированную работу внешних и внутренних ощущений. Отсюда, придерживаясь мнения о том, что ощущения как начальная ступень самоутверждения человека воспринимают воздействие со стороны нашей духовности, можно с уверенностью говорить, что наши ощущения и духовность непосредственно выполняют установки тела, которое является «знаменателем» для согласованных действий ощущений и надстраивающейся над ними духовности.

Способна ли религия достичь сверхъестественного? Степень отражательно-воспроизводимой способности индивида определена тем возведённым естественной природой авуаром, носителем коего – человеческое тело. Охватывая подобным способом предмет настоящего текста, мы вяжем своеобразные сети, уловляющие место пребывания религиозных ценностей. Если мы сможем провести такую работу – а мы стараемся её выполнять, – то религия, смыкаясь с другими духовными потребностями, позволяет нам разобраться в том, что же выступает сверхъестественным началом, которое по обыкновению религиозные люди выдают за предмет религии. Пока сверхъестественное наукой не обнаружено. Направленный на отыскание его так называемый религиозный опыт не очень-то эффективен. Запечатлевая нечто необыкновенное, т. е. «неотмирное», в религиозных переживаниях, он слишком персонален. Объективация здесь невозможна ввиду, если можно так выразиться, глубинной интимизации в отношениях религиозного сознания к богу. Отмечаемая позиция приоткрывает явление секуляризации религии.

«Сверхъестественное» как результат человеческой фантазии. Касаясь далее сверхъестественного, функционально связанного с религией, следует причислить его – за неимением чего-то другого – к человеческой фантазии. А это значит, что предстоит вскрыть содержание трипостасности времени, т. е. показать прошлое, настоящее и будущее, в котором (т. е. в будущем) эта фантазия может преспокойно «отсидиваться». Удобно осуществить сказанное с позиций ранее упомянутой статической концепции времени. Вообще этих концепций, образующих две пары, – четыре. Первая пара – субстанциальная и реляционная концепции; вторая – статическая и динамическая. Согласно задействованной в интересующем нас плане статической концепции времени, прошлое, настоящее и будущее одновременны. Данная концепция, характеризуя внутренний мир субъекта, придаёт времени функциональный настрой – подчиняет его раскрытию личностных переживаний. Время здесь не замешано на иллюзиях. Конечно, некую иллюзор-

ность мы наблюдаем. Ведь время всё-таки связано с «субъектностью», которая, как мы говорили выше, вносит в мир «иллюзионизм». Однако было подчеркнuto: не будь субъекта, и предметный мир никогда не предстанет объектом – не получит научно насыщенной отражательной репрезентации. Осознавая иллюзорность времени – в соответствии со статической концепцией, мы постараемся преодолеть её влияние и выразим время в качестве реальной действительности, воплощением которой оно явно выступает.

Итак, благодаря человеческой природе время как функция настоятельно преломляется – в соответствии с телесными потребностями. Что же это за потребности? Прежде всего потребности физического роста, которыми оперирует индивид с момента его рождения. Физический рост продолжается до 25 лет у представителей сильного пола (рост женщин завершается примерно к 23 годам), и падающая на эти сроки организменная процессуальность реализуется примерно в три раза быстрее, чем та, что наблюдаема за пределами указанного возраста. Воздействию подвергается и человеческая психика, и с возрастом в сознании индивида складывается впечатление о том, что чисто психологически человек за этот период проживает времени втрое больше, чем за последующую вереницу лет. В ней – веренице лет – время предстаёт спрессованным: его трудно разложить по полочкам. Зато детство и молодость – как на ладони. Пояснением к сказанному служит повесть «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери (1900–1944). Таким образом, за 25 лет человек – психологически – проживает целых 75. Этот временной ряд – как «вневозрастной знаменатель» – висит над жизнью человека «непререкаемым абсолют». Психологически он превалирует над моим «Я». Вместе с тем, однако, индивид не может не жить повседневном с его «вчера, сегодня и завтра». Но эта временная триада существенна для индивида в том отношении, что лишь подтверждает его (т. е. данного индивида) причастность к лучшим временам, которыми прежде воспроизвелась неповторимая молодость. Следует признать – и об этом еще свидетельствовал Августин Блаженный (354–430) – многоаспектность времени, и одним из этих аспектов становится содержание времени со статическо-концептуальных позиций. В рассматриваемом отношении мы используем время в качестве условия по выявлению компонента иллюзорности в осуществлении необходимой нам фантазии. Связывая религию с фантастическим отражением реальной действительности, мы, выверяя будущее, которое, согласно статической концепции времени, находится у нас «непосредственно под руками», выводим присущую будущему иллюзорность, что называется, на чистую воду. Иллюзорность будущего подлежит снятию ввиду того, что мы, прикоснувшись к ней с рационально-практических позиций, просто изъяли её из употребления. Но жизненно разоружив присутствие иллюзии в нашем – на основе фантазии – предполагаемом (пусть оно и выглядит фантастично) будущем, мы приглушили проявление религиозности в единственно возможных для неё границах, очерченных фантазийным раскрытием будущего.

Иллюзии коренятся не в самом будущем, но в фантазиях по его поводу. Здесь иллюзорность особенно настойчиво заявляет о себе, и её трудно уловить. Значимость статической концепции времени заключается в том, что, опираясь на неё, мы непосредственно – в границах одновременности – отслеживаем упомянутую иллюзорность, состоящую в том, что её содержание не вяжется с рационально воспроизводимой практикой, носящей предметную выверенность. Благодаря этому сводится на нет сверхъестественность иллюзорности, и фантазия обретает земные очертания. При этом статическую концепцию времени наглядно корректирует жизненный опыт субъекта по линии связанных с молодостью лучших лет его жизни. Эта поддержка молодости даёт положительные результаты по дезавуированию иллюзорно-компенсаторной деятельности, изначально «засевшей» в субъекте из-за того, что именно он – субъект – является носителем пресловутой субъективности. В сложившемся порочном круге преодоление его «невинной» порочности возлагается на того же самого субъекта, но теперь уже в его отстранённости – за счёт её реализации в рамках статической концепции времени – от самого себя. И воплощением этой отстранённости становится, выразимся так, возвышенное время в качестве условия по преодолению тех иллюзий, носителем которых является всесторонне рассматриваемый субъект. Конечно, он не продукт онто-гносеологической робинзоны, но совершенно коллективно «застрахованный» субъект. Им может быть коллектив или даже вполне сложившийся, обретающий себя класс, свободный от иллюзий, хотя они, конечно же, станут заявлять о себе.

Заключение. Место иллюзий в реализации человечеством ожидаемых перспектив. Обычный субъект не отрицает повседневно используемые иллюзии. Их не стоит абсолютизировать; тогда роль субъективного фактора приобретёт нормально-человечную воспроизводимость. Ведь человечество раскрывает мир руслом голографичной прозрачности. Достижение её откроет более совершенную диалектику общественного развития путём устранения несовместимых с нею тупиков (их-то как раз и «подсекает» голограмма). Пока же последние, проявляющиеся малыми и серьёзными социокатаклизмами, тормозят решение жизненных задач.

Статическая концепция времени, обосновывая необходимость выведения иллюзорности за пределы научно-практического освоения реальной действительности, теоретически укрепляет совершенствование социальной формы движения материи. Человечество движется к планетарному (обусловленному различными способами коллективного выживания) самоутверждению. И здесь возникает – пусть и ограниченная – возможность «запараллеленного» использования иллюзий в сложном процессе выживания. Воспроизводясь фантазией, иллюзии очерчивают утопии, помогая человечеству в их преодолении.

Список литературы

1. Античная философия : энцикл. словарь / редкол. П. П. Гайденко [и др.]. М. : Прогресс-Традиция, 2008. 896 с.

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
3. Вознесенский А. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1983. 463 с.
4. Лермонтов М. Ю. Еврейская мелодия // Собр. соч. : в 4 т. Л. : Наука, 1970. Т. 1. С. 93.
5. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М. : Наука, 1977. 192 с.
6. Тематическая Библия с комментариями / пер. с англ. А. А. Коломийца, Н. С. Лещинской, Г. В. Савицкой ; под общ. ред. В. С. Немцева. Минск : Библейская Лига в РБ, 1996. 1776 с.
7. Тютчев Ф. И. Не то, что мните вы, природа... // Полн. собр. соч. Письма : в 6 т. / сост. В. И. Касаткина. М. : Изд. Центр «Классика», 2002. Т. 1. С. 169-170.
8. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / изд. подгот. А. В. Лебедев. М. : Наука, 1989. 576 с.

The Illusion Component of Personal Self-Expression and Its Place in Unveiling the Phenomenon of Religiosity

N. S. Konoplev

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The content of illusions displaying themselves at sensuous and rational levels has been considered. Their place in the development of religion has been identified. The religion has been shown to be a fantastic, illusory reflection of reality, that delineates utopia and shows the way to overcome them.

Keywords: illusion, Bible, religion, external and internal sensations, subject and object of an activity, human nature, scientific and technological revolution, artificial environment, anthropic principle, spirituality, M.Yu. Lermontov, F.I. Tyutchev, social form of matter motion.

For citation: Konoplev N. S. The Illusion Component of Personal Self-Expression and Its Place in Unveiling the Phenomenon of Religiosity. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2018, vol. 25, pp. 75-91. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.25.75> (in Russian)

References

1. Gajdenko P.P. (red) *Antichnaya filosofiya: ehnciklopedicheskij slovar'* [Ancient philosophy. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2008. 896 p.
2. Kuznecov S.A. (red) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg, Norint Publ., 2000, 1536 p.
3. Voznesenskij A. *Sobr. soch.* [Collected works]. 3 v. V. 1. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1983, 463 p.
4. Lermontov M.Yu. *Evrejskaya melodiya* [Jewish melody]. In 4 vol. Vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1970, 655 p.
5. Molchanov Yu.B. *Chetyre koncepcii vremeni v filosofii i fizike* [Four concepts of time in philosophy and physics]. Moscow, Nauka, 1977. 192 p.
6. Nemcev V.S. (red.) *Tematicheskaya Bibliya s kommentariyami* [Thematic Bible with comments]. Minsk, Biblejskaya Liga v RB Publ., 1996, 1776 p.
7. Tyutchev F.I. *Ne to, chto mnite vy, priroda* [Not what you think, nature]. Full. Coll. Op. Letters. In 6 vol. Vol. 1. Moscow, Klassika Publ., 2002, pp. 169-170.
8. Lebedev A.V. (red.) *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. V. 1. Ot ehpicheskikh teokosmogonij do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of early Greek philosophers. P. 1. From epic to cosmology before the emergence of atomic theory]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 576 p.

Коноплёв Николай Сергеевич

*доктор философских наук, профессор
кафедры философии и методологии науки,
отделение философии и теологии
исторический факультет
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003 г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243995
e-mail: philosophy@chair.isu.ru*

Konoplev Nikolay Sergeevich

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Department of Philosophy and Methodology
of Science, Department of Philosophy and
Theology, Faculty of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
tel.: 8(3952)243995
e-mail: philosophy@chair.isu.ru*

Дата поступления: 01.09.2018

Received: September, 01, 2018